

В эти беспокойные времена мог ли этот маленький кусочек утопии действительно сохраниться навечно?

Было бы слишком наивно так думать.

- Госпожа, мы все готовы к отъезду. Вы хотите проследить за ходом приготовлений?

- Нет, - сказала Ли Цзиньжун, махнув рукой в своей обычной резкой манере. Эта женщина, казалось, всегда куда-то спешила. Она спросила: - Господин Чжоу и старая госпожа Ван все еще не ответили на наши письма?

Ученица, помогавшая Ли Цзиньжун, успокаивающе сказала:

- Еще нет. Эти северные собаки, похоже, на этот раз настроены вполне серьезно. Все линии связи с нашими людьми на Севере были разрушены, так что старая госпожа Ван, вероятно, пока не может нам ответить. Но старая госпожа Ван - грозная женщина, чья репутация опережает ее - даже если бы она столкнулась с Большой Медведицей, этим северным собакам пришлось бы уступить ей дорогу. Не волнуйтесь, госпожа.

Ли Цзиньжун проигнорировала эти слова утешения, которые для нее были просто чушью в другой форме. Всё ещё хмуря брови, она спросила:

- Что сказал Ма Цили в своем последнем письме?

Осторожно взглянув на госпожу Ли, ученица быстро проглотила всё, что она собиралась сказать, и вместо этого произнесла:

- Похоже, оно было отправлено, когда они только покинули 48 крепостей. Он написал, что, поскольку это была первая поездка Ли шимэй*, она немного вышла из-под контроля...»

* младшая по возрасту дочь учителя или соученица.

- Напиши им ответ - скажи им, чтобы они убедились, что Ли Янь ведет себя хорошо. Внешний мир гораздо опаснее, чем дом, так что не нужно ее баловать. Если ее нужно отругать или избить, скажи им, чтобы они делали это без каких-либо колебаний. - Ли Цзиньжун помассировала виски, прокручивая в голове свои планы, чтобы убедиться, что она ничего не забыла, и рассеянно сказала: - Ты можешь идти и делать то, что необходимо, мы отправимся первым делом завтра утром. После ужина попроси всех старейшин 48 крепостей прийти ко мне

сюда.

Не смея больше беспокоить ее, ученица кивнула и быстро вышла из комнаты.

Ли Цзиньжун глубоко вздохнула, вспомнив, как она осмелилась прорваться на Север в нежном возрасте семнадцати лет, всего с одной саблей в руке и несколькими своими людьми. Она смогла бросить всё и уехать без особых раздумий, а на обратном пути у них едва хватило денег, чтобы добраться домой. Но за прошедшие с тех пор много лет её бремя и ответственность значительно возросли, так что просто совершить подобную поездку требовало такого же планирования и подготовки, как сдвинуть целую гору. Нужно было сделать много приготовлений и дать чёткие инструкции как для дел 48 крепостей, так и для их путешествия. Ей потребовалось целых несколько дней, чтобы решить, каких людей, лошадей и экипажи она должна взять с собой. Ли Цзиньжун смирилась с тем фактом, что основные обязанности по руководству 48 крепостей превратили ее в копушу.

Она вошла в свой маленький кабинет и осторожно закрыла за собой дверь. Большая часть вещей здесь принадлежала Чжоу Итану. Его различные письменные принадлежности и книги лежали точно там, где он их оставил. В углу комнаты стояло несколько книжных полок, заполненных всевозможной китайской классикой. Если бы кто-то проглотил каждую книгу на этих полках, он, вероятно, достаточно хорошо сдал бы императорские экзамены, чтобы получить должность государственного чиновника. Но с тех пор, как Чжоу Итан уехал, эти книги оставались нетронутыми, пока на них не собрался слой пыли.

Ли Цзиньжун наугад вытащила с полки экземпляр «Великого учения»*, стряхнула пыль с обложки и пролистала его. Затхлость этой старой книги хлынула на нее с испещренных заметками страниц, исписанных знакомым почерком ее мужа. Заметки, которые он сделал, превысили количество слов, напечатанных на странице. Слабая улыбка скользнула по ее губам, когда она осторожно положила книгу обратно. Затем она сняла одну за другой несколько книг со среднего ряда книжной полки и немного пощупала внутреннюю сторону деревянной полки. Найдя нужное место, она резко постучала по нему, затем со щелчком отодвинула деревянную доску.

* «Да сюэ» - 2-я книга конфуцианского «Четверокнижия».

На этой полке был спрятан потайной отсек, в котором находился очень невзрачный деревянный ящичек.

Прошло много лет с тех пор, как она в последний раз доставала его. Маленький ящичек почти слился со стеной. Не обращая внимания на паутину и грязь, Ли Цзиньжун грубо закатала рукава и протянула руку, чтобы вытащить его. Осмотрев его, она почувствовала себя вполне удовлетворенной – этот гниющий ящик, который свел бы с ума страдающего навязчивыми мыслями старейшину Юя, был лишь слегка заплесневелым по углам, и, похоже, на нем еще не проросло никаких грибов. По меркам Ли Цзиньжун, он практически прекрасно сохранился.

Железные петли на деревянном ящике полностью проржавели и встретили свой конец

скрипучим стоном, когда она открыла его. Как ни странно, в этой коробке, которая была так тщательно спрятана, не было ценного сокровища или даже секретного руководства по боевым искусствам, а куча безделушек.

Сверху лежала выцветшая рубашка с длинными рукавами с цветочным узором. Ее плечи были узкими, и она была довольно маленькой, достаточно большой только для девочки тринадцати-четырнадцати лет. Ли Цзиньжун провела рукой по мятой ткани. Она пролежала здесь так долго, что от плесени была немного влажной на ощупь. Складки на ткани образовали необратимые складки, которые невозможно было убрать, как будто они были сшиты сверху.

Ли Цзиньжун склонила голову набок, глядя на эту вещь, и воспоминания, которые были похоронены в течение многих лет, нахлынули на нее.

«Есть одна часть Снежной Сабли, которую я не... - девушка ворвалась в комнату, а затем быстро остановилась, спросив: - Отец, что ты делаешь?»

Легендарный Клинок Юга не поднял глаз, когда щелкнул пальцем, со звонким щелчком оборвав нитку на игле. Он поднял свой «шедевр», чтобы рассмотреть его на мгновение, выглядя вполне довольным, затем бросил его девушке: «Лови».

Несмотря на то, что ее отец всего лишь бросил в нее кусок ткани, юная Ли Цзиньжун не осмелилась ослабить бдительность ни на мгновение. Она осторожно отступила на несколько шагов и приготовилась, прежде чем протянуть руку, чтобы поймать ее. Ли Чжэн швырнул в нее яркую цветную рубашку. Она явно была сшита опытной рукой и была аккуратно прошита по всему краю. Работа не была сложной, но она была более чем сносной. По цвету, фасону и размеру рубашки было очевидно, что она предназначалась для нее.

Ли Цзиньжун некоторое время тупо смотрела на этот предмет гардероба, а затем ее лицо быстро покраснело. Она уже была юной барышней и чувствовала себя довольно неловко из-за того, что ее отец всё ещё шьет ей одежду. Взволнованная, она сказала:

- Почему ты... Я вполне могу сама сшить себе одежду, если захочу новую!

- У тебя такие короткие рукава, что они почти у локтей, но я не вижу, чтобы ты пыталась сшить себе новую одежду. - Ли Чжэн закатил глаза и начал свое обычное ворчание: - Маленькая барышня, я не знаю ни одной девушки твоего возраста, которая была бы такой грубой и неряшливой - я действительно не знаю, на кого ты похожа. Мои глубочайшие соболезнования твоему бедному будущему мужу. - Покачав головой, он сказал: - Возьми это и примерь, и если оно не подойдет, я его поправлю. Цзиньжун, послушай своего отца...

Далее последовала бесконечная лекция. Ли Цзиньжун осторожно опустила старую крышку, уголок ее рта приподнялся в слабой улыбке, которую можно было бы назвать почти теплой.

Независимо от различных версий легендарного Клинка Юга, в которые верили другие, в

памяти Ли Цзиньжун Ли Чжэн всегда был уравновешенным и неторопливым, человеком, чье ворчание могло продолжаться и продолжаться, как только он начинал - это ворчание обычно было направлено на нее, потому что ее брат был более добродушным. Ли Цзиньжун часто подозревала, что Ли Чжэн делает это нарочно. Он находил её и ворчал до тех пор, пока она не начинала сходить с ума, прежде чем начать плясать от радости, как будто он только что преуспел в важной миссии. Будучи в юности вспыльчивой, она часто вызывала у него именно ту реакцию, которой он добивался.

Ли Цзиньжун чувствовала, что Чжоу Фэй не совсем похожа на нее в этом отношении. В то время как Чжоу Фэй тоже была сорванцом, который большую часть времени не утруждал себя развлечением других, ее дочь была более вдумчивой и сдержанной, чем она тогда. Чжоу Фэй предпочитала держать свое мнение при себе, и, помимо мягкого и уважительного характера ее мужа, которого девочка совершенно не смогла перенять, с точки зрения ее общего темперамента, Чжоу Фэй больше походила на Чжоу Итана.

В то время как Ли Цзиньжун редко когда хвалила своих юных учеников в лицо, если быть честной с собой, она чувствовала, что, будь то манера Ли Шэна общаться с людьми или пронизательность Чжоу Фэй, двое детей были намного лучше, чем она сама была тогда, избалованная Ли Чжэном – даже если у них двоих, казалось, не было таланта клана Ли в боевых искусствах.

Несмотря на то, что навыки боевых искусств можно было объективно оценить – это был простой вопрос о том, можно ли победить в бою, – то, как далеко можно было продвинуться по этому пути, в конце концов, часто определялось не только навыками.

Ли Цзиньжун начала погружаться в свои мысли – она задавалась вопросом, где сейчас находятся эти два маленьких негодяя. Они, вероятно, отлично проводили время, дико бегая на улице, пока никто не держит их в узде. Она надеялась, что немного боевых искусств, которые ей удалось запихнуть в их мозги, к настоящему времени не были полностью забыты.

Покачивая головой, она отбросила свои беспокойные мысли и эти предметы прошлого и вытащила золотой браслет, который лежал на дне коробки.

Это был открытый браслет чрезвычайно простого дизайна, не украшенный какими-либо чрезмерными узорами и достаточно большой, чтобы поместиться на запястье маленького ребенка. Выражение лица Ли Цзиньжун стало серьезным. Она немного пощупала внутреннюю сторону браслета, пока не добралась до неровной поверхности рядом с отверстием браслета. Она поднесла его к свету и некоторое время рассматривала. На нем был вырезан рисунок ряби на воде.

Прищурившись, Ли Цзиньжун вытащила из кармана письмо и поспешно пролистала его до подписи в конце страницы – на ней была печать, которая выглядела точно так же, как рябь на браслете. Слова в этом письме были написаны небрежно, как будто они были нацарапаны в спешке. В письме было только название места, за которым следовало единственное предложение: «Смерть главы Ли может быть чем-то большим, чем кажется на первый взгляд».

В дополнение к тому факту, что в последнее время они были странным образом отрезаны от своих секретных постов на Севере и ей ничего не оставалось, кроме как расследовать это лично, Ли Цзиньжун, наконец, решила покинуть 48 крепостей также из-за этого письма.

Это был единственный браслет, который Ли Чжэн когда-либо дарил ей. Заметив, что ей, похоже, это не очень нравится, он не покупал ей ничего подобного. Ей он показался совершенно обычным золотым браслетом, и хотя он стоил денег, он был не очень ценным, и в нем также не было ничего особенного, если бы не последние слова Ли Чжэна, обращенные к ней...

Эти последние слова были: «Ты должна беречь браслет, который я тебе подарил».

За этим последовало слегка невнятное «Не лезь в...» Но что касается того, в чем он не хотел, чтобы она разбиралась, у него так и не было возможности сказать.

Человек, написавший это письмо, был старшим, которому Ли Цзиньжун когда-то безоговорочно доверяла. Поскольку этот человек не смог связаться с 48 крепостями, он попросил Чжоу Итана передать это ей.

48 крепостей было маленьким убежищем, которому удалось устоять в стороне от борьбы за власть того времени, а также чудом – потому что внутри ему удалось разрушить барьеры между фракциями, которые традиционно были исключительными, и они также приняли крайние меры, закрывшись от внешнего мира. Обе эти вещи были одинаково жизненно важны для поддержания этого чуда. Возглавляя 48 крепостей все эти годы, Ли Цзиньжун слишком хорошо осознавала это и прилагала огромные усилия, чтобы поддерживать баланс на протяжении многих лет. Чтобы сохранить здесь мир и спокойствие, она сумела добиться того, чтобы для внешнего мира у 48 крепостей не было «ни родных, ни близких». И всё же были ещё некоторые люди, которых она не могла полностью игнорировать – например, названные братья бывшего главы 48 крепостей или отец ее дочери.

Вскоре после получения этого таинственного письма Ли Цзиньжун получила известие о том, что они не смогли связаться с секретными постами 48 крепостей на Севере, что вызвало у нее нехорошее предчувствие. Прежде чем решиться самой отправиться на разведку, она сначала отправила письмо старой госпоже Ван, а затем Чжоу Итану. Она велела старой госпоже Ван как можно скорее сделать крюк через Южные районы. Ради их безопасности она могла бы оставить двух обременительных подростков на временное попечение Чжоу Итана. Затем она написала Чжоу Итану, и в коде, который понимали только они двое, сообщила, что «скоро уезжает из 48 крепостей и сможет навестить его после улаживания некоторых дел».

Ли Цзиньжун не могла просто встать и уйти, собрав всего лишь сменную одежду, как Чжоу Фэй. Она должна была принять меры по каждому отдельному вопросу в 48 крепостях, от большого до малого. К тому времени, как она закончила подготовку к поездке, прошло несколько недель. Так что к тому времени, как она закончила здесь все дела, прошло уже два месяца с отправки писем.

И за последние два месяца ни старая госпожа Ван, ни Чжоу Итан не ответили, что заставило ее чувствовать себя еще более беспокойно.

Вполне естественно, что ответ старой госпожи Ван мог идти до нее дольше, так как их линии связи на Севере были заблокированы, но почему не было ответа от Чжоу Итана? Если бы у него действительно были какие-то проблемы, он бы обязательно сообщил ей. Таким образом, единственной возможностью было то, что их каналы передачи посланий были перекрыты.

Могло ли быть так, что проблемы были не только с секретными постами на Севере, но и с кротоми на Юге?

Осенью 21-го года Поздней Южной Династии Шао хрупкий мир, который существовал между Севером и Югом в течение некоторого времени, снова начал рушиться, поскольку Большая Медведица начала постоянные вторжения на Юг. Под железным кулаком императора Цзяньюаня, а также совокупными усилиями двух поколений придворных чиновников, Южной династии, наконец, удалось провести болезненные, но необходимые реформы во всех областях - военной, государственной, налоговой, сельскохозяйственной и торговой - те же самые радикальные реформы, которые косвенно привели к кончине бывшего императора династии Шао - хотя мир боевых искусств не обращал на это особого внимания, поскольку они не занимались такими делами.

Вместо этого, то, что начало привлекать их внимание, заключалось в том, что клан Хо пал за одну ночь; что после молчаливого волнения в течение двадцати лет Большая Медведица продолжала пренебрегать все более слабым сообществом боевых искусств центральных равнин и фактически становилась все более властной с каждым днем; что после бегства на Юг Хо Ляньтао снова начал собирать различные партии и фракции с явным намерением созвать еще одно совещание героев под знаменем «защиты страны» и «отстаивания справедливости»; что у подножия гор Хэн преемница Клинка Юга ворвалась на сцену, убив лидера Четырех Символов горы Живых Мертвецов, и что, кроме Повелителя Алой Птицы Му Сяоцяо, который откололся от Четырех Символов, двое других поклялись отомстить за Лорда Лазурного Дракона; что глава Долины Обволакиваемой Облаками, восходящая звезда, который объявил о своих намерениях бросить вызов бойцам центральных равнин, фактически потерпел поражение от рук этого нового «Клинка Юга»; что этот тупоголовый парень из диких пограничных регионов на самом деле вещал так далеко и широко, несмотря на огромный позор для него, так что все в Южной Династии теперь искали эту таинственную молодую преемницу Клинка Юга... и что хозяйка 48 крепостей Ли Цзиньжун тайно покинула 48 крепостей после многих лет пребывания на месте, чтобы вмешаться в этот надвигающийся шторм.

Ли Цзиньжун никогда бы не догадалась, что как раз в тот момент, когда она покидала 48 крепостей, люди, которых она отослала, на самом деле спешили домой - в то время как на Ма Цили была возложена тяжелая ответственность за отправку непоседливой Ли Янь в Цзиньлин, выслушав подробный отчет Чжоу Фэй и У Чучу о произошедших событиях, он решил, что у него нет выбора, кроме как изменить курс и вернуться в 48 крепостей... Тем более, что Чжоу Фэй была в центре внимания сейчас больше, чем когда-либо, так как этот ас в создании проблем Ян Цзинь публично объявил о своем поражении от ее рук.

Хотя первый отъезд Ли Янь из дома был прерван едва ли на полпути, у нее не было абсолютно

никаких жалоб. Услышав о том, что произошло в Юэяне и городе Хуажун, и увидев обеспокоенные выражения на лицах своих старших, Ли Янь разрыдалась, ее волнение по поводу изучения мира боевых искусств полностью погасло после известия о смерти Чжан Чэньфэя.

Ма Цзили приказал своим людям отправить письмо Ли Цзиньжун и как можно быстрее подготовил лошадей и экипаж. Их маленькая группа держалась в тени, пока они ехали в сторону 48 крепостей.

С опытной рукой 48 крепостей оставшаяся часть их путешествия прошла намного более гладко, так как они могли обратиться за помощью к своим секретным постам по пути. Чжоу Фэй также осознала, в какие неприятности она сама себя втянула, и, что нехарактерно для нее, воздержалась от дальнейших выходок. Прошло совсем немного времени, прежде чем они начали приближаться к 48 крепостям и начали ощущать суету здешних городов, которые были далеки от разрушенного войной внешнего мира. Ма Цзили сказал, что они должны отдохнуть здесь одну ночь, прежде чем на следующий день отправить сообщение 48 крепостям о том, что он приведет гостей.

<http://tl.rulate.ru/book/33015/2395705>